

Leontij Mironiuk

Pro-drop parameter в польском и украинском языках

Acta Polono-Ruthenica 4, 206-213

1999

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Leontij Mironiuk
Olsztyn

Pro-drop parameter в польском и украинском языках

Термин „pro-drop parameter” появился в недрах генеративной грамматики Ноама Хомского и означает „параметр опускаемого местоимения”, точнее - местоименного подлежащего обычно в форме 3-го лица единственного числа, ср.: англ. *he works* и итал. *lavora*, укр. *він працював* и пол. *pracował* и др. Здесь итальянский и польский глаголы не нуждаются в местоименном подлежащем, что можно рассматривать и как синтетический способ выражения грамматического значения и как разновидность эллиптической конструкции одновременно. Сразу же сделаем одну существенную оговорку: в славянских языках (в частности - польском и украинском) эффект „опускаемого местоимения” связан не только с личными, но и указательными местоимениями. Оба типа указанных местоимений выполняют две одинаковые функции - дейктическую и анафорическую; последняя и представляет для нас специальный интерес.

Вторая оговорка: мы считаем, что украинский язык, генетически восходящий к восточнославянской языковой группе, типологически тяготеет к западнославянским языкам, что было отмечено в своё время Н. С. Трубецким и поддержано профессором Н. И. Толстым.¹ К числу известных фонетических, лексических и грамматических критериев западнославянской типологии мы относим и „параметр опускаемого местоимения”, точнее - его бóльшую синтаксическую и функциональную выраженность в украинском, нежели в русском языке. Это хорошо понимал Максим Рыльский, а также Юлиан Тувим и Адам Важик, когда пере. эдрили на родной язык

¹ Н. И. Толстой, *Мысли Н. С. Трубецкого о русском языке и других славянских языках*, [в:] *Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования*, Калинин 1981, s. 114-115.

Евгений Онегин Пушкина, ср.:

Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна...
Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль...
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слёзы;
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в восемнадцать лет.²

*

Співав він про любов, і співи
Були невинні та ясні...
Співав про муки і печаль,
Про щось і про туманну даль...
Про дальні пуші та лани,
Де довго в лоно тишини
Лились його гарячі сльози,
Співав, що в'яне серця цвіт,
Не мавши й вісімнадцять літ.³

*

Wsluchany w miłość, miłość śpiewał...
Rozłąkę śpiewał, smutek, żal...
Opiewał kraj, co w dali mży...
Śpiewał wyblakły życia kwiat...⁴

*

Śpiewał i pieśń miłością poił...
Śpiewał swój żal u dróg rozstajnych...⁵

² А. Пушкин, *Евгений Онегин*. О. Пушкін, *Євгеній Онегін*, перекл. М. Рильський. Киев 1974, s. 34.

³ Ibidem.

⁴ A. Puszkın, *Eugeniusz Oniegin*, przeł. J. Tuwim, A. Ważyk, Kraków 1977, rozdz. 2, 10.

⁵ Ibidem.

Здесь отчётливо видно параллельное использование анафоричности - и как литературоведческого явления (приёма) и как лингвистического компонента, а именно присутствия/отсутствия анафорического местоимения „он”. Представленный фрагмент свидетельствует о том, что в польском и украинском вариантах лингвистическая анафоричность доминирует. Мы специально выбрали фрагмент с нарочитым анафорическим повтором местоимения, который по законам трансформации поэтической образности якобы должен быть воспроизведен в переводе. Разумеется, стихи более „непереводимы”, чем проза. Однако здесь дело не только в специфике „стихов российских механизма” (Пушкин), но и в ритмико-мелодических особенностях конкретного языка, что в дальнейшем будет показано и на примерах прозаического текста. „Дуже серйозний спосіб підвищення легкості сприймання, - підчёркивал в своє время Л. А. Булаховский, - це є звуження сфери застосування анафоричних займенників. Анафоричний займенник, за його природою, відсилає до вже згаданого предмета (далеко рідше до такого, що має бути згаданим далі, - спосіб, що справляє враження спеціально стилістичного; у слов'янських літературних мовах він у більшості випадків є продукт наслідування французьких художніх зразків)”⁶. Если говорить о русском литературном языке, то здесь, очевидно, Л. А. Булаховский прав, отмечая влияние на него французских стилистических образцов (об этом, кстати, писали и другие исследователи и мастера слова). Что же касается польского, чешского и украинского языков, то здесь, по нашему мнению, наблюдается факт не новшества, а - наоборот - архаичности, т.е. сохранения одной из древнейших славянских синтаксических особенностей. Сошлюсь на коллективный труд *Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов* (за ред. А. С. Мельничука), изданный в Киеве в 1966 году: „Особові займенники, на відміну від неособових, у ролі підмета вживалися в праслов'янській мові порівняно рідко. Ця особливість була успадкована з індоєвропейської мови, в якій особові закінчення дієслівних форм зберігали ще, очевидно, залишки своєї колишньої особовозайменникової природи і тому при звичайних

⁶ Л. А. Булаховский, *Курс русского литературного языка*, т. 1, Киев 1952, с. 318-319.

умовах робили зайвим вживання при особових формах дієслів окремих особових займенників”.⁷ Так, аналізуючи лінгво-стилістическіє особенности произведений Ежи Путрамента, С. Левинская замечает: „Мова оповідання багата на дієслова... Ці граматико-стилістичні прикмети оповідання особливо впадають в око, якщо зважити на таку формальну своєрідність відмінюваних форм польського дієслова, як вживання особових форм переважно без особових займенників. Таким чином, маємо як би систему речень із дієслівним початком, підпорядковану авторському задуму, пор.: „Siedzieliśmy przy stole... Chrząkali... Cięli nożem płaty boczkę”.⁸

Известно, что глагольный (в данном случае - сказуемый) зачин контекстуального объединения предложений используется особенно эффективно при изображении быстрой смены событий или явлений, для динамизации изображаемого. Особой выразительности он достигает в поэтике Богдана Лепкого, который, как известно, творил на пограничье украинского и польского языков и культур. Это способствовало выработке у него особого стилистического чутья, рождаемого в условиях постоянного контактирования двух типологически родственных языков. Один из рассказов Богдана Лепкого имеет символическое название - *Allegro patetico*, что (как указано в примечании) в итальянском языке означает „у прискореному темпі; урочисто”.⁹ Именно эта торжественная динамичность и является доминантой его рассказов и зарисовок. Прежде всего характерны - в аспекте рассматриваемой проблемы - их названия, ср.: *Кидаю слова, Дочекався, Добив торгу, Підписався, Не виходимо з хати, Лежав при відчиненім вікні* и др. С ними функционально соотносятся начальные и финальные фрагменты рассказов, отдельных абзацев: а) начало рассказов - „**Вбігла** до хати, як перестрашена, і питає голосно та скоро, якби часу не мала: - Купите, пане, малини?” (*Вона не з тих*); „**Лежала** на постелі під новим кожухом і кричала, що птах на хату не сів би” (*Скати*); „По легкім туркоті повозу **пізнав**, що з мурованої дороги звернули на польову” (*Старий двір*) и пр.; б) начало глав, разделов, абзацев рассказов: „**Розійшлися**. Сумна

⁷ Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов, вид. „Наукова думка”, Київ 1906, s. 364.

⁸ S. Lewińska, *Mowa utworów Jerzego Putramenta*, Warszawa 1978, s. 27.

⁹ Б. Лепкий, *Твори: в двох томах*, т. 1, Київ 1991, s. 512.

розлука” (*Настя*, ч. V); „Насилу розчіпили та відвели у село” (*Підписався*); в) конец разделов, абзацев: „З цим словом і заснула”; „Встав, зібрався, взяв гроші і пішов на ярмарок у город” (*Добив торгу*); „І пішов” (*Підписався*) и др. Большую цементирующую роль в этой стилистике „*allegro patetico*” играют обособленные безподлежащие предложения, выделенные в тексте в виде абзацев; ср., например, в рассказе *Настя*: „Розійшлися. - Пішли. - Ідуть. - Ідуть дальше. - Вітали нового гостя”. Эти выделенные бесподлежащие конструкции по своей функции близки к словарю рифм поэтического произведения. В комплексе с указанным ритмом „аллегро” они создают своеобразную мелодичность рассказов Лепкого.

Другой характерной особенностью прозы Богдана Лепкого является широкое употребление деепричастных оборотов при глаголах с опущенным местоимением; это также свидетельствует о своеобразном проявлении западнославянской синтаксической типологии, ср.: „Так роздумуючи, вивів стіну під верх” (*Матвій Цанун*); „Не досить, що здохло, та ще йому таку параду роби! - говорив, викидаючи землю” (*В глухім куті*); „Бульба перекипіла, діти згодніли, - говорила, вибігаючи на ворота, - а його нема” (там же); „А тепер спішіться, - говорив, сідаючи назад на віз...” (*Дочекався*) и др. Подобное употребление деепричастных оборотов является нормативным для польского языка, ср.: „To rzekłszy, raz jeszcze pochylił się do strumienia i zniknął” (H. Sienkiewicz, *Krzyżacy*); „Wyszedł nie oglądając się, za nim wysunął się młody junkier” (J. Andrzejewski, *Przed sądem*) и др.

Как заметил в своих *Нарисах з загальної стилістики сучасної української мови* І. Г. Чередниченко, опущенными могут быть и местоимения „шось”, „воно”, что вносит в высказывание оттенки невыразительности и загадочности, ср.: „Коли так, одного вечора затупотіло в дворі; вибігла стара, а Данило коня прив’язує” (М. Вовчок, *Данило Гурч*); „Тихо, крадькома одчинило двері, на порозі вона” (С. Васильченко, *Талан*) и др.¹⁰

Особый интерес представляет семантический аспект исследова-

¹⁰ І. Г. Чередниченко, *Нариси з загальної стилістики сучасної української мови*, Київ 1962, с. 294-295.

ния параметра опускаемого местоимения, при котором следует учитывать как значение существительных (которые их заменяют), так и семантику глаголов (при которых они опускаются). На первоначальном этапе данного процесса наблюдается ослабление дейктической функции личных и указательных местоимений. Так, Леонид Булаховский заметил, что в четверостишии Фёдора Тютчева:

Ты скажешь: Встреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь на землю пролила

синтагма „ты скажешь” семантически приравнивается к обороту „можно было бы сказать”, поскольку здесь местоимение не имеет чётко направленного грамматического значения.¹¹ Аналогичные примеры находим и в поэтике Богдана Лепкого, ср.: „І так-то весело визирала хатина з-посеред тиші, таким щастям несло від неї, що, казав би ти, ангели божі, коли, літаючи над миром...”

В украинском языке, рядом с конструкциями „казав би ти”, „як той казав” и др. существительные **людина, хлопець, жінка, справа (діло)** в конкретном контексте могут приобретать указательное значение, ср.: „Діло було зимою”, т. е. „це було зимою”. Нередки случаи полной десемантизации существительного „чоловік”, наблюдаемой как в русской, так и в украинской литературе, ср.: а) „Подумайте только! **Человек** [речь идёт о Льве Толстом. - Л. М.] проповедует, что не следует противиться кровожадному «Зулу», пожирающему беззащитного ребёнка: противление было бы грехом, потому что ещё более озлобило бы людоеда” (Г. В. Плеханов, *Толстой и природа*); б) „Коли прогнали її Мирона з економії, то теж подався на заробітки, ще раніше Романа. Пішов **чоловік** з косою і торбиною за плечима, а діти його висихають з голоду, мов сіно”; „Євдоким через пліт поглядає на свій город... Потім **чоловік** повертає голову і з подиву розкриває рота” (М. Стельмах, *Хліб і сіль*) и пр. У Богдана Лепкого в значении местоимения употребляется прилагательное „старенький”, сочетающееся с глаголом во множественном числе,

¹¹ Л. А. Булаховский, *op. cit.*, s. 318.

например: „Я своє відвоював, - відповідає Медвідь, - але вас треба би трохи післати. Може би, вас кулі продрухали з того сну, може би, вам від блиску багнетів стало в головах ясніше. - А дивіть! **Старенький** ще свого не забули” (Б. Лепкий, *Іван Медвідь*).

Определённый интерес представляет и дидактический аспект исследования данной проблемы. Сравнивая различные учебники и учебные пособия отдельных языков, наглядно представляешь себе, как эффективно можно и нужно применять в процессе преподавания иностранных языков метод опускаемого местоимения. Прежде всего следует отметить, что в учебниках романских и славянских (флективных) языков *pro-dgop parameter* почти никогда не учитывается. Так, в *Самоучителе итальянского языка* Ю. А. Караулина и Т. З. Черданцевой (Москва 1964) вслед за грамматической справкой об итальянских местоимениях приводится диалог, в котором все местоимения опущены, а образца перевода подобных текстов нет:

- Studiate all'Università?
- No.
- Lavorate... (с. 54 и др.).

Аналогичным образом поступают и авторы учебника *Вивчаємо українську мову* (Львів 1994) Ірена Гук и Мирослава Кавецька. Предостерегая читателей, что в украинском языке (в отличие от польского) часто опускаются формы настоящего времени глагола „бути” (приводятся соответствующие примеры), они ничего не говорят о различиях в употреблении польских и украинских анафорических местоимений. И это умолчание весьма красноречиво: авторы, очевидно, считают, что в использовании указанных средств в обоих языках существенных различий нет. Хотя, как показывает проведённый мною анализ учебников для украинских школ в Польше, копирование польских глагольных конструкций с опускаемым местоимением не всегда оправдано, так как это нередко приводит к нарушению ритмомелодичности украинской фразы. Показательно, что в польских учебниках русского языка (особенно в функциональном аспекте) данное явление чётко фиксируется. Так, в разделе „Mianownik zaimków osobowych i jego opuszczanie” чётко различаются русские местоименные и польские безместоименные конструкции, ср.:

1. У меня была малярия. - Chorowałem na malarię.
2. Я сижу и слушаю радио. - Siedzę i słucham radia.
3. Вы слушали этого певца? - Czy słuchaliście tego śpiewaka?
4. Я жив и здоров. - Jestem cały i zdrowy и др.¹²

Попутно заметим, что местоимения в русском языке (особенно в период новояза) способствовали созданию своеобразной стилистики безличности, которая должна была служить целям замазывания, затушевывания тоталитарного Зла. „А кого это расстреляли? - спрашивается в одном из советских анекдотов. - Кого надо, того и расстреляли”. В новоязе же родился и оборот „работать за того парня”, т.е. приносить мифическую „пользу” обществу. Следовательно, опускание местоимения или же - наоборот - его акцентирование относится к числу весьма важных проблем современного языкознания как во внутриязыковом, так и в сравнительном плане.

¹² А. Bogusławski, S. Karolak, *Gramatyka rosyjska w ujęciu funkcjonalnym*, Warszawa 1973, s. 24-26.